

УДК 811.161.1'37

**ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЫДЕННОЙ СЕМАНТИКИ БИОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
(на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка)***Ю. С. Волобуева***THE FORMS OF REPRESENTATION OF BIONIMIC WORD ORDINARY SEMANTICS
(on the material of metalanguage reflections and ordinary rassian speakers associations)***J. S. Volobueva*

В статье делается попытка семасиологической квалификации и описания различных форм репрезентации лексического значения русских бионимов (слов, обозначающих биологические виды). Описанные формы выявлены в ходе лингвистического эксперимента, отражающего особенности функционирования значения слова в языковом сознании носителей языка.

The article deals with the semasiological description of different forms of representation of lexical meanings of Russian bionims (words meaning biological species). The described forms have been determined during the linguistic experiment reflecting the peculiarities of functioning of the word meaning in the language consciousness of the native speakers.

Ключевые слова: дефиниция, ассоциация, бионим, языковая личность, обыденная семантика.

Keywords: definition, association, bionim, language personality, ordinary linguistics, ordinary semantics.

Цель настоящей статьи – выявить и описать особенности различных форм репрезентации обыденной семантики в языковом сознании рядовых носителей русского языка. В этом плане сопоставляются две таких формы – толкование и ассоциации, полученные в результате семантического эксперимента, в котором словами-стимулами выступали русские бионимы (слова, обозначающие биологические виды) [3, с. 29 – 30].

В современной лингвистике существует устойчивое мнение о том, что толковые словари в своих дефинициях отражают наивные представления рядовых носителей языка о денотатах. Ср., например: «В словаре раскрывается значение слова в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи. Краткие определения для слов с одним или несколькими значениями охватывают только те значения и смысловые оттенки слов (в том числе и переносные), которые являются устойчивыми в литературном языке и свойственны современному употреблению» [6, с. 11].

Лексикограф теоретически осознает, что его обязанностью является фиксация того языка, который он непосредственно наблюдает. «Составление толкования начинается с того, что лингвист-лексикограф рассматривает свое языковое сознание, т. е. совершает акт интроспекции. На этом этапе он решает для себя, какую информацию имя несет о денотате. Далее лингвист (не без основания) выдвигает предположение о том, что внутренние миры других говорящих индивидов похожи на его собственный. На основании этого лингвист и производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт интроспекции: наделяет других носителей языка «языковым сознанием», не слишком отличающимся от своего. Такого рода шаги и позволяют считать, что в лексикографическом толковании вскрывается структура наивных понятий о вещи...» [9, с. 65]. В реальной лексикографии, однако, мы нередко видим, что направленность на отра-

жение наивных понятий выдерживается далеко не всегда, реальная семантика в словарях нередко подменяется нормативной, причем нормативное отождествляется с научным знанием. Поэтому одной из перспектив выявления обыденной семантики, репрезентированной в экспериментах, является возможность оценки содержания словарных дефиниций с тем содержанием, которое реально связывают со словом рядовые носители языка.

Лексикограф, по сути, приписывает «правильное» значение общеупотребительным словам, полагая, что он фиксирует общезначимые, регулярно выявляемые для рядовых носителей языка признаки.

Лексикографические исследования последних десятилетий значительно расширили представление об объеме и границах лексического значения слова, его интерпретации, поэтому значительный интерес для изучения лексического значения представляет функционирование слова в речи, значения, представленного в сознании носителей языка. «Значения слов – это, грубо говоря, то, что мы «имеем в виду», или «держим в голове», когда произносим слова [5, с. 243].

Определяя термин «обыденное толкование», мы говорим прежде всего о форме метаречевой деятельности рядового носителя языка. Метаязыковое сознание рядового носителя языка лексикоцентрично: объектом осмысления говорящего выступает слово в единстве его формы и содержания. Знание о значении слова составляет необходимое условие владения языком и, в свою очередь, образует ядерную часть области метаязыковых знаний [12, с. 182]. Метаречевая деятельность требует высоких уровней переработки информации «и по линии манипулирования знанием, и по уровню контроля за выбором необходимых средств его выражения» [7, с. 100]. И. Т. Вепрева в своей работе «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» определяет уровни существования метаязыкового сознания – теоретический и обыденный. Теоретический уровень представлен системой научных понятий, концепций, теорий. На-

учные знания – это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный взгляд на язык [1, с. 55].

Обыденный уровень проявляется в форме метаязыковой деятельности рядового носителя языка, направленной на экспликацию мыслительного содержания, репрезентируемого словом в его (носителя) языковом сознании. Рядовой носитель языка, осуществляющий такую деятельность, становится в позицию лексикографа – наивного лексикографа.

Толкование лексического значения слова говорящим – это способ отражения психологической структуры значения (представления о значении слова в сознании носителя языка) [10, с. 24] и того практического и коммуникативного опыта, который окружал употребление данного слова говорящим и всем языковым коллективом. Таким образом, объектом исследования является то содержание, что закреплено за определенным словом в языковом сознании носителей языка и в толковом словаре, а предметом – формы репрезентации этого содержания. Термин «репрезентация» обозначает отношение внутреннего (репрезентируемого) содержания и внешней (репрезентирующей) языковой формы.

В процессе извлечения мыслительного содержания слова происходит его репрезентация.

Основная гипотеза, на решение которой направлена наша статья, заключается в том, что две формы репрезентации смыслового содержания слова – дефиниция и ассоциация – обусловлены репрезентируемым когнитивным содержанием: логическим (понятием) и чувственным (представлением, образом). «...Слово связано, с одной стороны, с предметом действительности, а с другой стороны, с представлением об этом предмете» [9, с. 179]. Предполагается, что в дефиниции репрезентируются логические когнитивные формы сознания, а ассоциация репрезентирует чувственные когнитивные формы того же сознания.

Дефиниция – форма репрезентации лексического значения слова, предполагающая прежде всего перечень его признаков-сем. Дефиниция – это описание какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки. Под дефиницией мы понимаем конкретную форму репрезентации лексического значения слова. «Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [14, с. 10].

Именно наличие дефиниции отличает понятие от представления: если мы умеем назвать дифференцирующие признаки предмета, мы обладаем понятием о нем, если мы не можем этого сделать, то мы находимся на стадии представления [2, с. 43]. Если свойства объекта, зафиксированные в сознании субъекта, могут быть вербализованы с помощью дефиниции, то мы можем говорить о том, что данный субъект имеет понятие о данном объекте.

В сознании носителей языка понятие о том или ином предмете имеет более или менее фиксированную структуру, состоящую из набора определенных смыслов. Типовая структура дефиниции, как правило, состоит из двух частей:

- 1) указание ближайшего рода (класса);
- 2) указание видовых отличий, то есть признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса.

Как показывает эксперимент, типовая дефиниция в обыденной метаязыковой деятельности реализуется далеко не всегда. Если субъект не имеет четкого понятия о наиболее характерных свойствах объекта и не может их вычленить, а в его сознании возникают только чувственные представления, ощущения, связанные с этим объектом, то они репрезентируются в формах, близких к ассоциациям.

В основе ассоциации лежит «общепринятое в языковом коллективе универсальное представление об объекте» [12, с. 200]. «"Представление" как термин обязательно связано с репродуцируемым в памяти субъекта значимым комплексом ощущений. Будучи вполне автономным, не зависимым от вербализации, этот комплекс может быть в дальнейшем связан со словом или словосочетанием условно-рефлекторно» [9, с. 131 – 132]. Называя то или иное слово, в нашем сознании возникает представление о том объекте, которое это слово называет, через связь с другим объектом, возникающем в нашем сознании (зима – снег; корабль – море; лето – солнце). Ассоциации возникают спонтанно и неосознанно.

Существует множество определений ассоциации, приведем одно из них:

Ассоциация – связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое [11, с. 37].

Ассоциация – это форма репрезентации лексического значения слова, представляющая собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул. Первые пришедшие на ум слова характеризуют смысловую область, в которой данное слово находится в сознании носителя языка. Также ассоциация говорит о признаке обозначаемого словом предмета, актуализированном в ситуации «немедленного ответа», не проходящего для своего выхода «светлого поля» сознания. Поэтому сопоставление ассоциаций и дефиниций – это еще и сопоставление неосознанных и осознанных форм репрезентации содержания слова, что представляет особый и немаловажный исследовательский интерес.

Материал для сопоставления получен экспериментальным путем. Эксперимент, имеющий целью получение дефиниций, проводился с использованием анкет, содержащих конкретный вопрос: «Какое значение имеют данные слова?» Ассоциативный материал извлекался из РАС под редакцией Ю. Н. Караулова [13].

Представим полученные реакции в виде таблицы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при ответе на предложенный вопрос анкеты основной формой репрезентации содержания слова стала

дефиниционная форма, состоящая из двух частей и характеризующаяся выделением как родовых компонентов значения, так и видовых отличительных признаков предложенных слов. Соответственно, мы можем говорить о том, что в сознании реципиентов

существует понятие о тех объектах, которые названы предложенными словами, поскольку они могут перечислить признаки этих объектов.

Таблица

Формы репрезентации слов-бионимов рядовыми носителями языка (по данным эксперимента)

<i>Формы репрезентации лексического значения слов рядовыми носителями языка</i>	
<i>ассоциация</i>	<i>дефиниция</i>
Комар – насекомое, укус 9; муха 8; кровопийца, кровь 7; кусает 5; гад, пищит 3; вампир, жужжит, зуд, кусает, лес, надоедливый, пискун, укусил 2.	Комар – маленькое летающее кровососущее насекомое, переносчик заболеваний, издающее характерный писк, бодрствующий вечером и мало живущий.
Береза – белая 16; стройная 7; русская 6; дерево 4; дуб, красивое, лес 3; белоствольная, высокая, зеленая, красота, кудрявая, осина, поле, поляна, почки, стоит, тонкая 2.	Береза – лиственное дерево с черно-белым стволом, растущее на территории России, из него получают березовый сок.
Рябина – красная 52; дерево 10; ягода 6; калина 4; горькая, кудрявая 3; алая, красное, осень 2.	Рябина – дерево с маленькими красными ягодами, кислыми или горькими, в виде кисти, которые едят птицы зимой.

В процессе толкования актуализируется, как правило, общий родовой компонент и дифференциальные признаки дефиниций (указание на цвет, форму, величину, место обитания и т. д.).

При толковании слова «комар» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на словостимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «насекомое». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) питание: кровососущее, кровосос, кровопийца, сосущий кровь, пьет кровь, питается кровью людей, питающееся кровью животных, высасывает кровь – 76 %;

2) звук: звенит, отличается характерным писком, издающее звук-писк, пищущий, пищащее, будит раздражающим звуком – 20 %;

3) размер: мелкое, очень маленькое, маленькое, большой – 20 %;

4) внешние признаки: с усами (усатое, имеет усы), многоножное (с 6 ногами), имеет хитиновый панцирь, мерзкое (мерзкий, омерзительный);

5) способ передвижения: летающее – 19 %;

6) образ жизни, манера поведения: переносчик заболеваний, переносящий болезни, кусающееся, назойливое, противный – 15 %;

7) продолжительность жизни, время: живут мало, бодрствуют вечером – 5 %.

При толковании слова «береза» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на словостимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «дерево». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) цвет: кора белая, белое, белоствольное, белый ствол, белое с черными пупырышками, белое с черными меточками, черно-белое, с черно-белой окра-

ской, в черную полоску, с пятнами на стволе, белый с черными крапинками, зеленое – 50 %;

2) пространственный: русское, растущее в России, русское – народное, исконно русское – 25 %;

3) внешние признаки: лиственное, с сережками – 23 %.

При толковании слова «рябина» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на словостимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «дерево». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) цвет: красная, с красными ягодами, оранжевая, с темным стволом, с оранжевыми ягодами – 50 %;

2) утилитарные признаки: делают варенье, едят птицы, едят синицы, птички едят, любят есть снегирь, пища для снегирей, дает пропитание птицам, питание для пернатых – 30 %;

3) внешние признаки: имеет ягоды, лиственное, с ягодами, с плодами, с пушистыми листьями, есть ягоды – 20 %;

4) вкус: с горьким вкусом, кислые плоды, с кислыми ягодами, горькая, с вкусными ягодами – 10 %;

5) размер: мелкая, маленькие плоды, диаметром не более 1 см, с маленькими ягодами – 10 %;

6) время: зимняя, цветущее зимой, ягоды вкусом зимой – 6 %.

Таким образом, тип вопроса, заданный нами в начале эксперимента, предопределяет получение именно понятия о словах, репрезентируемых в форме дефиниции. В процессе толкования было названо несколько различных признаков в количестве от 1 до 6 актуальных в значении данного слова для реципиентов. Но данный вопрос, ориентирующий информантов на определение понятия не исключил и появление среди ответов другой формы репрезентации – ассоциации.

Например, определяя значение слова «береза», наряду с дефинициями реципиенты давали ассоциации: Русь, Россия, русское.

Ассоциации, данные на те же самые слова-стимулы, лежат в иной смысловой области и акцентируют только одно из представлений, названное тем или иным признаком. В отличие от дефиниций, по своей форме ассоциации представляют чаще всего одно слово-реакцию.

Например, самой частотной реакцией на слово «береза» является слово «белая» (16), что связано прежде всего с восприятием данного объекта через цветовые ощущения. Слово «рябина» ассоциируется у информантов также с определенным цветом – красная (52), что связано, конечно, со зрительным восприятием красных ягод рябины.

Важно также отметить, что в ассоциативном поле много таких реакций, которые по форме и содержанию не характерны для дефиниций, например, в наивных дефинициях отсутствуют некоторые компоненты ассоциативного поля слова «комар»: «место обитания» – лес, «последствия укуса» – зуд.

В ассоциативных же полях отсутствуют признаки дефиниционных форм, например, в ассоциативном поле слова «комар» отсутствуют следующие признаки: «переносчик заболеваний», «бодрствует вечером», «мало живет». В наивных дефинициях отсутствуют некоторые компоненты ассоциативного поля – «место обитания» – лес, «последствия укуса» – зуд.

Сравнивая полученные данные, можно отметить следующее: одна и та же задача, заключающаяся в определении значения слова, решается одновременно с использованием дефиниционной и ассоциативной формы репрезентации лексического значения слов. Но ассоциация, в отличие от дефиниции, – продукт произвольной реакции, и в этом смысле она далека от метаязыковых и логико-понятийных форм ментальной деятельности.

Соответственно гипотеза о том, что понятие о предмете представлено в форме дефиниции, а представление в форме ассоциации подтверждается экспериментальными данными.

Но, несмотря на то, что дефиниция и ассоциация являются разными формами репрезентации содержания слова, связанными с понятием и представлением, многие факты свидетельствуют о том, что компоненты ассоциативного поля слова и признаки обыденных толкований не являются взаимоисключающими, а дополняют представления о реальном функционировании слова в языковом сознании носителей языка.

Можно говорить о том, что ассоциация является одним из этапов формирования понятия о слове, а следовательно, является внешним языковым проявлением признаков-сем, составляющих содержание слова.

«В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово, связанное с определенным значением, развитие слова не закончилось, а только началось; оно является вначале обобщением самого элементарного типа и только по мере своего развития пе-

реходит от обобщения элементарного типа к все высшим типам обобщения, завершая этот процесс образованием подлинных и настоящих понятий» [4, с. 4].

Полученные в результате эксперимента формы репрезентации характеризуются во многих случаях взаимопереходностью чувственных и логических когнитивных форм сознания, то есть дефиниция и ассоциация являются взаимодополняющими формами, поскольку компоненты ассоциативного поля могут перемещаться в структуру дефиниции и наоборот. Данное взаимодействие проявляется в следующем:

1. Среди ответов информантов на дефиниционный вопрос можно легко выделить полученные ассоциации, основанные на смежности: рябина – Есенин; зима; мякоть; пчела – билайн; мед; береза – Россия; Русь; капуста – овощ; гусь – выходит сухим из воды; курица – яйцо; салат – гадость; таракан – враг человечества; оса – страх; фобия; верблюд – медлительность; елка – праздник и на сходстве предметов: зебра – лошадь; кинжал – нож; оса – пчела.

2. Для ассоциативного поля определяемых слов и дефиниций, данных рядовыми носителями русского языка, характерно наличие большого количества общих по содержанию с обыденными толкованиями родо-видовых признаков значения. Классификационный признак в обыденных толкованиях слов-бионимов различных тематических групп совпадает с ассоциациями: «насекомые» (клоп – насекомое 7; клещ – насекомое 11; оса – насекомое 4); «животные» (козел – животное 5; крокодил – животное 3; лошадь – животное 15; лось – животное 10); «птицы» (лебедь – птица 14; страус – птица 19; орел – птица 834; петух – птица 7); «рыбы» (кит – рыба 14; треска – рыба 53).

Видовые компоненты ассоциативного поля слов-бионимов, как правило, также соотносимы. Такой дифференцирующий признак значения слова «комар», как «кровенососущее» также присутствует в ассоциативном поле этого слова (кровопийца, кровь – 7). Признак «характерный писк» в ассоциативное поле также зафиксирован (жужжит, пискун – 2). Слово «рябина» имеет общие признаки в ассоциативном поле и в обыденных толкованиях рядовых носителей языка: красная – 52, горькая – 3. Подобным образом можно зафиксировать и другие общие для дефиниций и ассоциаций признаки слов-бионимов: форма, место обитания, звучание, вкус, польза-вред для человека, эстетическое отношение. Общие родо-видовые реакции в ассоциативных полях можно трактовать как неполные дефиниции, в которых есть только родовой или видовой компонент. Например, среди дефиниционных определений много таких, в составе которых реципиенты выделяют либо только родовой компонент значения слова: айва – фрукт; белуга – рыба; аист – птица; белка – животное, либо только видовой: кинжал – острый, длинный; салат – вкусное; диван – удобный, уютный; бублик – круглое с дыркой; горчица – жгучая; чай – его пьют. На выбор таких форм репрезен-

тации существенное влияние оказывает ассоциативная стратегия. В свою очередь, если трактовать ассоциативные реакции как свернутый текст, то в ассоциативном поле слов-бионимов можно найти проявления «дефиниционности»: приносит мед, в поле оса – большая муха.

Ассоциация является одним из этапов формирования понятия, поскольку, объединив ядерные компоненты ассоциативного поля того или иного слова, называемые достаточно большим количеством информантов, мы можем выстроить условную дефиницию. Таким образом, компоненты ассоциативного поля могут быть названы семантическими компонентами дефиниции.

Признаки слов, которые выделяются в результате ассоциативного эксперимента, «легко интерпретируются содержательно как семантические компоненты слов, а это может служить одним из доказательств принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [8, с. 217].

3. Характерным признаком многих дефиниций, является то, что, сближаясь по форме с ассоциациями, в них появляется большая степень субъективности (наличие положительных / отрицательных оценок, эмоциональности, экспрессивности, направленности к внутреннему переживанию). Определения же «классического» дефиниционного типа отличаются тем, что признаки, называемые во второй части таких определений, часто указывают только на внешнюю характеристику предмета (цвет, размер, запах). Ср.:

Рябина – дерево с красными ягодами (дефиниционная форма). – Рябина – Есенин (ассоциативная форма).

Курица – птица, которая несет яйца (дефиниционная форма). – Курица – тупость (ассоциативная форма).

Верблюд – животное с горбом (дефиниционная форма). – Верблюд – медлительность (ассоциативная форма).

Следовательно, гипотеза о том, что дефиниционная форма репрезентации значения соответствует только понятийному содержанию и понятийной форме и что ассоциация связана с представлением о предмете подтверждается частично. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что компоненты ассоциативного поля слова и признаки обыденных толкований не являются взаимоисключающими, а дополняют представления о реальном функционировании слова в языковом сознании носителей языка.

Литература

1. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
2. Ветров. Расчлененность формы как основное свойство понятия / Ветров // Вопросы философии. – №1. – М., 1958. – С. 42 – 49.
3. Витковский, Т. Проблемы словаря ономастической терминологии / Т. Витковский // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С. 21 – 39.
4. Выготский, Л. С. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте / Л. С. Выготский // Жиф Ж. И. Развитие научных понятий у школьников. – М.; Л.: Учпедгиз, 1935. – С. 3 – 17.
5. Голев, Н. Д. О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики / Н. Д. Голев // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции. – Вып. 1. – Кемерово, 2006. – С. 41 – 49.
6. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологом) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово-Барнаул, 2009. – 532 с.
7. Залевская, А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / А. А. Залевская. – Тверь, 1996. – 267 с.
8. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
9. Леонтьев, А. А. Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1983. – 288 с.
10. Овчинникова, И. Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика: учебное пособие по спецкурсу / И. Г. Овчинникова. – Пермь: ПГУ, 1994. – 124 с.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2004. – 1200 с.
12. Ростова, А. Н. Обыденная семантизация слов / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев – Кемерово-Барнаул, 2009. – 532 с.
13. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т.1. – От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.
14. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1988. – 210 с.